

Известия. — 1995. — 24 мая. — С. 7.
**Впервые нога российского джазмена
 ступила в Карнеги-холл**

Юрий СОКОЛОВ, «Известия»

Конкретнее — нога Алексея Козлова, руководителя ансамбля «Арсенал». И ножка Тамары Гвердцители — певицы блистательной, в тональности ее царственного имени.

Гастролям в США предшествовало вручению «Арсеналу» в Кремлевском дворце приза «Овация» — бронзовых рукоплещущих ладоней — как лучшему джазовому ансамблю России 1994—1995 гг.

Затем последовало приглашение компании «Юрис Интертеймент» на турне по Америке: Бостон, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сан-Хосе, Сент-Луис, Балтимор, Филадельфия, Детройт, Чикаго, Нью-Йорк...

Руководитель «Арсенала», саксофонист и композитор, Алексей Козлов любезно согласился рассказать нам об этих гастролях.

— Алексей, какую музыку вы исполняли? Что хорошую, я не сомневаюсь. А конкретнее?

— Тамара исполнила и свой репертуар с двумя музыкантами, и мы играли свои пьесы без Тамары, и, конечно, все вместе с «Арсеналом»: Вячеславом Сержановым, Евгением Шариковым, Константином Серовым, Аркадием Баклановым и вашим покорным слугой. Я сделал аранжировки Тамариных пьес, наиболее серьезных и, с другой стороны, предложил ей спеть несколько наших пьес, которые подходили и по стилю, и по настроению. Впрочем, Тамара настолько высокопрофессиональная певица, что волеется в любую музыку. Хорошую, естественно.

— И какие аранжировки вы ей предложили?

— Это «Половецкие пляски» Бородина, вокализмом, без слов. Вокализм же «Паванну» Габриеля Форе — французскую музыку XIX века. Форе — несколько забытый композитор, учитель Равеля, директор Парижской консерватории. Сейчас он снова стал музыкальным кумиром Франции.

— То есть нотные рукописи тоже не горят?

— Да. Они звучат. Еще мы аранжировали русскую народную песню «Исходила младенька», которую Мусоргский использовал в арии Марфы в «Хованщине». В очень горячей джазовой обработке мы играли испанскую песню Аугустино Лара «Гренада». Она проходила везде «на бис».

И наоборот, как симфоническую вещь, без ритма, мы сделали песню «Хава нагила»... Это было неожиданно серьезно, подчеркивало вечность и этой мелодии, и этой темы. И принималось тоже «на ура».

— Ура — очень первомайское понятие.

— Пожалуй. Давайте транс-

понируем его на полтора тона. Скажем, «на овацию». Из американской музыки мы исполняли очень популярную песню Джорджа Гершвина «Человек, которого я люблю» и арию из «Вестсайдской истории» Леонарда Бернстайна. Этим мы как бы отдавали дань американской классике.

У Тамары был еще такой свой блок — тбилисский. В нем — грузинские мелодии, армянские, русские романсы... «Хава нагила» тоже в этом блоке. И песня «Тбилисо», конечно. Тбилисо всегда был интернациональным городом, и это хотелось отразить в музыке, с оттенком ностальгии, увы.

— Чем еще определялся успех ваших гастролей, помимо неожиданностей репертуара и аранжировки, и профессионализма исполнения?

— А ничего, помимо этого, для успеха и не надо. Эти компоненты в музыкальной аудитории гарантируют успех. Пожалуй, еще одно: мы пели и исполняли живьем, без фонограммы. Конечно, это очень комфортно, и многие исполнители этим пользуются — не возить с собой громоздкие инструменты и аппаратуру. Сложно устанавливать все это, наладить, что-то не срабатывает, что-то отключается. А поставил отличную студийную кассету — и открывай синхронно рот и закатывай вовремя глаза. Но публика ценит, когда живьем, когда музыкальный спектакль разыгрывается на ее глазах и ушах и даже какие-то накладки работают на эту всамделишность.

— Расскажите про главный концерт в Карнеги-холле.

— Конечно, к нему мы готовились особенно тщательно. Помимо того, что это самая престижная площадка в Америке, была Пасха, большинству нью-йоркцев не до джаза... Но тем не менее был аншлаг, все 2800 мест были заполнены. И старожилы обратили мое внимание на негров, спекулиру-

ющих билетами у входа. Это, как мне объяснили, самый надежный показатель популярности концерта.

— Ну прямо как у нас! Приятно быть хоть чем-то похожим на развитое общество.

— Положим, в этом отношении наш зритель никогда не отставал. А уж про нашего спекулянта и говорить нечего. Его суета — это сюита!

Успех у эмигрантской публики — это понятно. Большинство из них, живя там, продолжают оставаться советскими людьми или, во всяком случае, продолжают любить ту музыку и ту культуру, с которой росли... Но и стопроцентные американцы принимали нас очень хорошо.

— Кстати, вы встречались там с уехавшими друзьями?

— Встречался, и очень со многими. Это удивительные встречи. Когда они уезжали, было ощущение похорон, под строчки Вознесенского «я тебя никогда не увижу, я тебя никогда не забуду»... И когда старые друзья — и музыканты, и архитекторы, и писатели — появлялись на концертах, приходили за кулисы, встречали у входа в самых разных городах, было ощущение встречи с дорогими призраками, но с такими, которых можно обнять, пойти в ресторан, выпить и закусить чем-нибудь вкусным. Волшебство какое-то!..

Волшебство — совершенно необходимый человеку продукт. И это то, что всегда в дефиците, если не уметь распознавать его повсюду. И музыка — волшебство... Очень точно сказано в откликах американской прессы: «Колдовское созвездие — Тамара Гвердцители и Алексей Козлов. Золотой голос и золотой саксофон». «Уникальная певица и легендарный джазмен. Соревнования не было, на сцене был колдовской ансамбль. Звучал концерт для Голоса и Оркестра».

Фото

Владимира МАШАТИНА.

45